

ФИЛОСОФИЯ

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРЕДМЕТ ВОПРОШАНИЯ

УДК 101:111

ИЗБЫТОЧНОСТЬ (о «философской вещи»)

© Г. В. Мелихов

Мелихов
Герман Владимирович
доктор философских наук,
доцент
профессор кафедры
социальной философии
Казанский
федеральный университет
(г. Казань)
e-mail: german.melikhov@kpfu.ru

В статье рассматривается парадоксальность «философской вещи», не имеющей онтологического статуса. Термин «бытие» (в равной мере как и «небытие») описывает отсутствующие свойства «философской вещи». Если бы кому-то все же понадобилось что-то сказать о «философской вещи», ему пришлось бы выделить лишь одно, условно принадлежавшее ей свойство — избыточность. Философствование, говорящее о «философской вещи», неизбежно само оказывается избыточным или минималистичным.

Ключевые слова: философская вещь, избыточность, предмет философствования, энергия, минимализм в философии.

Философия. Мы думаем, это нечто, что можно обойти стороной или, если есть нужда, выучить. Освоить ряд идей, овладеть приемами философского рассуждения, стать «представителем» избранного «направления мысли» и непременно сказать «свое слово». Все верно. Так мы и поступаем, следуя правилам, установленным не нами, социальным или эпистемологическим.

Следовать правилам необходимо. Философствование — мы знаем это достоверно — метод, правила для руководства собственным умом, тонкая его настройка. Каждая вещь (предметность) предполагает свой способ обращения. Философская вещь не исключение. Где-то и она существует, на этот счет у нас нет сомнений. Вопрос состоит в другом: как с ней обойтись, то есть как ее приобрести и пустить в

ход? Присвоение философской вещи — цель метода в философии, потому-то и следуем мы правилам.

Всякой вещи рачительный хозяин найдет свое место. А тут вещь особая, «философская». Мать всех вещей, нечто абсолютно ценное, исходное, фундаментальное. «Апейрон», «бытие», но еще лучше — «идея». Получишь ее в свое распоряжение, обретишь силу — исключительное знание, а вместе с ним — влияние. Выгода налицо. Философствующий вкладывается в метод, надеясь получить в свое распоряжение философскую вещь, он-то знает, что с ней сделать. Вот только приобрести философскую вещь удастся далеко не всем, поэтому она — «предмет роскоши», особая «привилегия». Правильно используемый метод указывает верный путь и должным образом оснащает. Он вводит в круг избранных — тех, кто знает цену философской вещи; тех, кто еще до ее приобретения уже уверовал в свою способность узнать философскую вещь при первой же с ней встрече.

Очевидно, мы верим тем, кто нашел философскую вещь и указал верный путь к ней, — так хочется думать. Предпочтительно следовать по проторенной тропе. Впрочем, возможно, метод необходим нам совсем для другого. Не идти за кем-то, но *создать* философскую вещь самим — вот это, пожалуй, соответствует призванию философствующих: самое важное не перепоручать никому. В самом деле, почему бы не допустить, что философская вещь создается нами, разумеется, с учетом имеющихся наработок («правил»)? Уж очень странная она, философская вещь. Неуловимая. Вроде бы она есть, но ее нет. И здесь есть философская вещь, и там, и там — везде. Вот только что она? Почему у нее много имен, хотя она *одна*? А может быть, она не одна? Возьмем Лейбница. Его философская вещь одна по названию, но исходно, по своему бытию, делимая. Не имеет ли смысл предположить, что разночтения в понимании философской вещи определяются одним неоспоримым фактом — ее *мысли-мостью*? Вот в чем, оказывается, дело: философская вещь — «вещь мыслимая». Потому-то и нужна нам тонкая настройка ума. Возможно, ум и есть хозяин философской вещи. И все что нам остается — возвысить себя, свой собственный ум, до Ума-хозяина, создателя вещей. Только сделать это не так-то просто, но цель ясна: мы хотим привести в соответствие наш ум и Ум-хозяин. Тогда, возможно, мы овладеем философской вещью, ибо Ум-хозяин и есть самая настоящая философская вещь. Вот взгляд философа-аналитика, вот точка зрения последователя М. Фуко, А. Бадью или Ж. Агамбена, а вот феноменологический взгляд на вещи и т. д. Каждый считает, что нашел философскую вещь. Так в известном смысле и есть — каждый набрел на Ум, природа которого — непрестанно *производит* несметные сокровища мыслей. Пути мысли разнятся, но все они — пути *мысли*. Путь мысли один, но не един. Философствование ставит нас на путь мысли, соответствующий нашей личной истории. Подумав о том, чего нам хочется, и следуя некоей эпистемической норме, мы что-то включаем в рассмотрение, а что-то исключаем, совершаем необходимый «разворот внимания», используем техники «удержания внимания», «очищения сознания» (от всего лишнего, не существенного) и т. д., все это приходится творить непрестанно, поддерживая ясность намерений и верное направление мыслей — важная, действительно нужная, требующая многолетней

выучки работа. Мы тренируем свой ум в надежде когда-нибудь превратить его в хозяина философской вещи, возвысив себя до Ума-созидателя.

А что если философская вещь не Ум-хозяин, и ее бытие-в-мысли всего лишь одна из многочисленных ее форм? Ум-хозяин — незаменимый помощник, но, вероятно, и он не всесилен. Можно ли *во всем* полагаться на то, что само является лишь частью? А раз так, Ум всегда можно обойти стороной.

Философская вещь — то, что обойти нельзя, она, вроде как, целое, которое вмещает в себя все. Возможно ли обойти то, частью чего ты являешься? Но именно поэтому о Вещи нелегко сказать что-то исчерпывающе определенное, присоединившись к одному из философских направлений. Труднее всего дается мысли целое, близлежащее и простое. Да и «свое слово» вряд ли здесь имеет значение.

Как так?

Философская вещь не содержит «вещества», грубого или тонкого. Возможно, у нее вообще нет сущности и каких-либо иных свойств, но для того чтобы хоть что-то сказать о близлежащем, указав (себе) предполагаемое направление движения, придется ввести всего одну (условную) черту философской вещи — ее избыточность.

Избыточность — не излишество. Избыток, — пишет автор толкового словаря, — излишек, превышающий потребность¹. Избыточность в этом случае то же, что и излишество. Невоздержанность, отсутствие меры. Не хочется, но соблазнительно. Мы устали и желаем немного развлечься. Знакомо каждому, не правда ли? Непонятно другое: полнота бытия. Возможно, и бытие «развлекается», но тогда это «развлечение», знающее меру — все в мире уравновешено. Люди придумали множество необыкновенных вещей, вложили в их производство немало сил, потом столкнули машины друг с другом во имя своих интересов, отдавая разрушению созданного еще больше сил, а результат все тот же — Вселенная продолжает и продолжит быть, с человеком или без него. В. Биbihин называет полноту бытия «энергией»². Излишество лишает энергии, избыточность — наделяет. Излишество сопряжено со страданием, избыточность — с радостью. Философская вещь щедра. Для человека щедрость Вещи предстает как дар. Очевидно, мы еще воспользовались не всеми дарами, находящимися в нашем распоряжении.

Ум-хозяин — один из даров, но почему мы используем его не по назначению? Декарт считал, что причиной тому служим мы сами: не туда смотрим, не в ту сторону направляем себя. Пожалуй, верно. Но как увидеть то, что нужно, не проглядеть верный путь? Требуется установка на избыточность. Аристотель в «Политике» различает обучение, заключающее цель в самом себе, и обучение, «необходимое для применения в деловой жизни»³, где мы что-либо делаем за плату. Последнее имеет практическую пользу, первое — ценно само по себе и потому единственно достойно свободного человека. В. Биbihин дает широкое толкование мысли Аристотеля. Ум обязан знать

¹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2014. С. 183.

² Биbihин В. В. Энергия. М., 2010. С. 476.

³ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1984. С. 631.

«схоле», то есть наш ум должен быть натренирован действовать без оглядки на выгоду, это понятно. Но что это значит? «Схولة» — установка, позволяющая «останавливать» текущее, всматриваться в происходящее со стороны дела, которому мы служим (не выгода имеет значение, а нужды дела, превосходящие всякую пользу), но также эта установка избыточна по отношению и к выгоде, и даже к самому делу, способность отстраненно взглянуть на «себя, занимающегося своим делом, землю, небо, горизонт (он способен, ведь он человек, взглянуть со стороны), спрашивая, зачем все это, зачем занят делом, к чему, как»⁴. Ум, знающей «схولة», избыточен по отношению к текущей жизни и даже к ценному самому по себе, он обращен на целое, на философскую вещь.

Уму, знающему «схولة», открывается Ум-хозяин, но «схولة» позволяет идти дальше.

Избыточность — энергия полноты, позволяющая смотреть на происходящее немного «не так», то есть со стороны исходного, философской вещи.

Философская вещь, не имея «вещества» и «сущности», ничем не ограничена, она — энергичная, щедрая, свободная — больше всего наличного: помысленного, сказанного, полезного, отвердевшего. Философская вещь избыточна даже по отношению к отсутствующему. Как только сказано: «Вещь отсутствует», — ей сразу же примыслено одно *существующее* свойство — «её нет». Если же чего-то нет, то и обойти «отсутствующее» не грех. Но философская вещь «есть» даже в «отсутствующем», ибо благодаря её избыточной щедрости все присутствует или отсутствует.

Философская вещь не может быть *предметом* философского умозрения или веры. Предмет исследования или верования можно принять или отвергнуть. Философская вещь не оставляет человеку выбора. Не метод, философская вещь обращает нас к философии. Возможно, для кого-то и философская вещь выступает *особым* предметом, но даже в этом опредмечивании Вещи просвечивает её избыточность — высказанная мысль влечет за собой, побуждая искать встречи с Вещью, а не с расхожими мнениями о ней. Умная философская мистика и в меру за-умная философия разума, невольно опредмечивая философскую вещь, показывают избыточность любых высказываний о ней. Нам чаще будут предлагать избавиться от чего-то, чем что-то приобрести. Хотя, в конечном счете, и то, и другое, и философская мистика, и философия разума, как и многие другие философии, самые разные, влиятельные или нет, бессильны перед ней: нам все равно придется признать власть философской вещи над собой, выдвигая вопросы в отношении любой формы.

Как ни странно, такого рода власть не угнетает, напротив, нам предоставляется шанс открыть себя философии. Встреча с философской вещью *может* предшествовать занятиям философией. Почему же тогда говорится: «философская вещь»? Тому есть две причины. *Философская* вещь открывает нас философии, в нас пробуждается интерес к исходному. Возможно, опознать Вещь в качестве «философской» нам удастся «задним числом», лишь после того, как мы начали философствовать. Для кого-то, вероятно, та же Вещь предстанет в ином качестве — ею интересуются еще богословы и поэты. Кроме

⁴ Библихин В. Указ. соч. С. 311.

того, философская вещь предстает в качестве «вещи», поскольку она *реальна*. Не то чтобы мы с ней сталкивались «лицом к лицу» (такого быть не может, у Вещи нет лица или другого свойства), но какие-то вещи, происходящие вокруг, все же трудно не заметить — излишества, глупость, хаос, да, есть такое. Но также — и гармония, равновесие, ум. Так устроена реальность, подхватывающая нас под руку и ненавязчиво влекущая куда-то — посмотрите и на то, и на это: как такое возможно? И ум, и глупость, и красота, и нелепость, нет ли за всем этим чего-то иного, ведь все это есть. Так что же *есть* на самом деле — это или То?

Можно подумать, нам проповедуют учение М. Хайдеггера или иного философа. Пусть так, хотя философская вещь гораздо важнее любого учения, ибо только она реальна.

Философствованию подобает соответствие Вещи, а не эпистемологической норме, методу, технике, практике, авторитетному слову и т. д. Многие среди философствующих согласились с призывом «возвратиться к вещам», но вот как это сделать? — здесь, как водится, согласия нет.

Ну что ж, одним мнением будет больше. Все равно философскую вещь ничто не удержит: ни мнение, ни претендующая на истину теория, ни изящная поэтическая строка. Философская вещь избыточно щедра — она и тут, и там, вечно живая, энергичная, реальная, как окружающий нас мир, но неуловимая. Раз так, то и философствование о такого рода Вещи само должно быть избыточным, то есть признающим условность всего помысленного и высказанного, хранящим верность неуловимому — тому, что проявлено во внезапности, приносящей новое, но не знающей новизны (и старости).

Возможно ли *такое*? Посетuem вместе с кем-то: во что превращается философия? Неужели нам недостаточно примеров? Вот срыв М. Хайдеггера, вот неудача Ж. Деррида, да мало ли конфузов, случившихся на почве философии, когда поэтической метафорой прикрывают отсутствие должной дисциплины мысли! В самом деле, дисциплины много не бывает, *схале* нам обычно недостает. Именно поэтому, то есть в силу нашей приверженности *схале*, срыв М. Хайдеггера, неудача Ж. Деррида, равно как и любого другого философа, включая блюстителя «должной дисциплины мысли», предопределены избыточностью философствования, ищущего встречи с Вещью. Возможно, срывы и неудачи в философии — достижения. Благодаря им мы имеем бесценный опыт прохождения *схале*, который, кто знает, может, для кого-то и не чужд дисциплины.

Философствование, знающее о своем срыве с самого начала? Почему нет? Посмотрим на Б. Гребенщикова и Л. Витгенштейна. Оба — знатоки музыки, но что еще важнее — захваченные философской вещью, что сказывается на их манере отвечать на вопросы и задавать их. Уместно предположить: не аристотелевская *схале* открывает философскую вещь, напротив, последнее делает возможным первое. Философский вопрос рождается из сопряженности с Вещью.

В одном из недавних интервью⁵ Борис Гребенщиков, 64-летний музыкант, старательно отвечает на вопросы корреспондента, затрагивающие актуальную повестку дня (работа такая) — политика, социальный активизм, судьба России,

⁵ Гребенщиков Б. Каждому — свои тяпки. Интервью Е. Гордеевой. 23.09.2018 г. URL: <https://www.pravmir.ru/boris-grebenshnikov-kazhdomu-svoiy-tyapki/> (дата обращения: 07.10.2018).

проблема поколений, недавно вышедший фильм К. Серебренникова, благотворительность и пр. Как бы ни сложился разговор, интерес к нему обеспечен твердой валютой: именем творца и текущими событиями (одно из которых — недавняя премьера фильма «Лето»). Надо отдать должное журналисту — в интервью всего в меру, но главное, автору удалось показать (сознательно или как-то еще, трудно сказать): в ответах БГ сквозит непростительная избыточность, он все время имеет в виду немного не то, о чем настоятельно призывает его порассуждать собеседник. Избыточное — небо, земля, горизонт — незримо присутствуют в ответах БГ.

Корреспондент признается, что беспрестанно слушает «Песни Нелюбимых», «в ней (этой песне. — Г. М.) сформулирована тоска целого поколения, ощущающего себя недолюбленным». «Возможно, — соглашается БГ, — вы правы», и осторожно вводит другой контекст, указывая на избыточное — «небо, землю, горизонт». «По-моему, — говорит он, — мы все недолюбленны — и я, и вы, и наши родители, и их родители. А что если мы потому ощущаем себя недолюбленными, что еще сами не научились генерировать любовь?»

Журналист возражает: «Да, понятно мне это. Вроде пытаюсь и я любить, вот в 90-е очень уж мы хотели полюбить нашу страну и полюбили. И знаете, что было главным? “Мотивирующая надежда” на то, что когда-нибудь Россия станет свободной и процветающей (подразумевается: теперь этой надежды нет)».

В связи с этим БГ говорит совсем уж странные вещи. Прямо он не утверждает, хотя имеет в виду именно это: возможно, мы по-разному понимаем любовь. И рассказывает о том, что для него осенний пейзаж и небо над головой одинаково прекрасны и в Париже, и в Риге, и в Нью-Йорке. БГ, вроде, не философ, себя он называет музыкантом и поэтом, но философское *схоле* определенно ему знакомо. БГ любит свою страну не потому, что она чем-то обладает или чего-то лишена, не потому, что она «хорошая» или «плохая», демократическая или авторитарная, развитая или отсталая и т. д, но потому что она все равно прекрасна, какой бы она ни была, столь же прекрасна, хотя и по-своему, как Франция, Латвия или Северная Америка. И это не «безродный космополитизм», а уверенная соотнесенность с философской вещью, одной для всех.

Избыточный взгляд на происходящее свойственен и Л. Витгенштейну. Продумаем афоризмы из его работы «Культура и ценность».

«Говорить предоставь только природе, — пишет философ, — а превыше природы признай только *одно*, но не то, что могут подумать другие»⁶. Философствование имеет дело с *одним*, о котором можно сказать немного: оно лишено заданности. Что бы о нем ни сказали, что бы о нем не подумали — все это не то. Природа способна разговаривать с человеком, ибо она — отдельное, ей есть к кому обращаться, к чему взывать, были бы те, кто способен услышать ее «речь». *Одно* не говорит и не молчит, поскольку не отдельное. Его ничто и никто не задает. Да и само себя *одно* задать не может, ибо это означало бы исходную разделенность. Поэтому со стороны человека *одно* видится как неизъяснимая

⁶ Витгенштейн Л. Культура и ценность // Философские работы. Ч. 1 / Л. Витгенштейн. М., 1998. С. 413.

избыточность — новизна, внезапность, откровение. И здесь важно не подпадать под влияние. «Хорошо, — удовлетворенно замечает Л. Витгенштейн, — что я не позволяю себе подпадать под влияние»⁷. Влияние — заданность. Излишество, мешающее думать. Влияния накапливаются, костенеют, образуя панцырь, — от кого мы защищаемся? Философствование не нападает и не защищает. Возможно, оно говорит лишь о том, что для нас, людей, всегда ново. О философской вещи. «Каждое утро человек должен заново пробиваться к живому сквозь омертвевшую корку золы»⁸. Философствование — пробивание к живому. Задавание вопросов, которые способны вдохновить, образовать (в корке, состоящей из влияний) просвет, позволить ощутить широту и присутствие неизъяснимой полноты. «Моя манера философствовать, — ловит себя на мысли Л. Витгенштейн, — пока еще нова для меня самого»⁹. Разве может быть иначе? Философствование, ставшее привычным, всегда задано (нами). Самое сильное влияние мы оказываем на самих себя. Свежесть — вот, возможно, что нам необходимо.

Философствование — неизбежное начинание, предвкушение философской вещи. Вопросание, доверяющее избыточности — энергии полноты.

Философская вещь не равноценна наличному, у нее нет «вещества», она не способна застыть в «существе дела». Как тогда философствовать?

Необходима помощь Ума-хозяина? Да. Нам не обойтись без метода и техники построения рассуждения? Определенно. Но прежде всего: стараясь сохранить свежесть взгляда (Л. Витгенштейн) и пытаясь любить (Б. Гребенщиков). Возможно, это тот минимум, который обойти философствованию крайне затруднительно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Политика // Сочинения в четырех томах. Т. 4 / Аристотель. Москва : Мысль, 1984. С. 375–644.
2. *Бибихин В. В.* Энергия. Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 488 с.
3. *Витгенштейн Л.* Культура и ценность // Философские работы. Ч. 1 / Л. Витгенштейн. Москва : Гнозис, 1998. С. 407–492.
4. *Гребенщиков Б.* Каждому — свои тяпки. Интервью Е. Гордеевой. 23.09.2018 г. URL: <https://www.pravmir.ru/boris-grebenshnikov-kazhdomu-svoi-tyapki/> (дата обращения: 07.10.2018).
5. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка. Москва : Аделант, 2014. 800 с.

⁷ Там же. С. 413.

⁸ Там же.

⁹ Там же.